

НАХОДКИ ИСКАТЕЛЕЙ

Архивные свидетельства о Н. Э. Циолковском

Искать новое о Циолковском, человеке, чья жизнь не первый год интересует историков, совсем не просто. Исследования кировского краеведа В. Г. Пленкова позволили узнать интересные детали о юности Циолковского, которую он называл «самым грустным, самым темным временем» своей жизни.

Страницу за страницей перелистывал Пленков «Вятские губернские ведомости». В номере от 21 декабря 1868 года он обнаружил сообщение о том, что 14 ноября 1868 года на место столоначальника лесного отделения министерства государственных имуществ «определен согласно прошения учитель землемерно-таксаторских классов при рязанской гимназии, титулярный советник Эдуард Циолковский».

Значит, в Вятку Циолковские приехали не из села Ижевского, как предполагали до этого биографы ученого, а из Рязани. Установил Пленков и то, что Константин Эдуардович окончил в Вятке три класса гимназии.

Архивные находки подобны цепной реакции. Факты, установленные В. Пленковым, помогли другим исследователям. Прежде всего они позволили правильно прочесть некоторые документы, хранящиеся в архиве Академии наук СССР. Теперь можно было с уверенностью утверждать, что Циолковские действительно приехали в Вятку из Рязани, где прожили восемь лет — с 1860 по 1868 год.

Но почему же вдруг семья Циолковских покинула Рязань? Небольшая заметка доцента В. Голоушкина, напечатанная в «Приокской правде», позволяет восполнить этот пробел в биографии ученого. В документе, опубликованном В. Голоушкиным, читаем:

«При большом семействе и недостатке материальных средств, — писал отец ученого Эдуард Игнатьевич, — имея крайнюю необходимость в дальнейшей службе, я по случаю предстоящего закрытия классов прошу выдать копию с формулярного списка о моей службе».

Сопоставьте находку В. Голоушкина в Рязанском областном архиве с находкой В. Пленкова в Кировском областном архиве, и все становится ясным: таксаторские классы закрывались, отцу ученого пришлось искать работу.

Итак, Циолковские в Вятке. Благодаря усилиям Пленкова мы знаем, где работает Эдуард Игнатьевич, где учатся его сыновья. Но Пленков попытался решить еще одну задачу — установить, где же жил Циолковский в Вятке?

Кропотливая работа привела исследователя к выводу, что в 1873 году семья Циолковских жила в доме купца Шуравина по Преображенской улице. Но, установив это, Пленков не мог еще ответить на вопрос: жил ли на этой квартире Константин Эдуардович? Дело в том, что именно в 1873 году Константин Эдуардович уехал из Вятки в Москву учиться. Жил ли будущий ученый в доме Шуравина до своего отъезда или же после возвращения — об этом

документы умалчивали. Так и записал Пленков: «Установить, что семья Циолковских во время пребывания в Вятке все время жила в доме Шуравина, пока не представилось возможным»...

Эстафету поисков подхватил другой кировский краевед, Е. Петряев. Но пошел он иным путем, нежели Пленков. Тщательно прочитав автобиографию Циолковского, Петряев обнаружил в ней запись о смерти брата Игнатия. Игнатий Циолковский скончался в 1876 году, вскоре по возвращении Константина Эдуардовича из Москвы. В тот год в Вятке свирепствовал тиф. Именно это обстоятельство и стало путеводной нитью изобретательного искателя.

«Почти на каждом заседании местного общества врачей, — писал впоследствии Е. Петряев, — шла речь о новых заболевших. В печатных протоколах этих заседаний я встретил доклад губернского санитарного врача А. Радакова об эпидемии... Описывая ход эпидемии, Радаков сообщил: «В конце октября или начале ноября 1876 года захворал брюшным тифом гимназист Циолковский, живший на Преображенской улице в доме Шуравина...»

Необычный способ расследования, которым воспользовался Е. Петряев, позволяет также уточнить и время возвращения Циолковского из Москвы в Вятку. Константин Эдуардович указывает в своей автобиографии, что брат заболел вскоре после его возвращения. Значит, вернулся Циолковский примерно в сентябре — октябре 1876 года.

Но даже эти факты не исчерпывают оригинальность аналитических методов Е. Петряева. В ту пору врачи связывали распространение тифозных заболеваний с уровнем почвенных вод под жилищем. Это обстоятельство заставило Петряева обратить внимание на указание в докладе А. Радакова, что никто из заболевших в доме Шуравина не жил в нижних этажах. Петряев сопоставил этот факт с еще одной деталью автобиографии Циолковского и сделал любопытное заключение.

В своей автобиографии Константин Эдуардович писал, что лет четырнадцати он сделал самодельную астролябию и определил с ее помощью расстояние до пожарной каланчи. Это расстояние составило 400 аршин, то есть около 300 метров. Опираясь на эти факты, Петряев установил, что из окон второго и третьего этажей дома Шуравина, обращенных на запад, могла быть видна пожарная каланча, стоявшая в 1865 году на нынешней улице Коммуны. По плану города нетрудно было определить, что расстояние до этой каланчи (сейчас ее нет) составляло примерно 300 метров. Сомнений не оставалось. В доме Шуравина Константин Эдуардович Циолковский жил и до своего отъезда в Москву и после возвращения.

Вот и вся история о том, как были установлены неизвестные ранее факты жизни Циолковского. Быть может, они покажутся не очень значительными, но дорого здесь и другое — настойчивость и изобретательность исследователей, не убоившихся трудностей и не спасовавших перед ними.

М. АРЛАЗОРОВ